

УДК 122/129

**ПРОСТРАНСТВО
ЛИЧНОСТИ:
СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКИЕ
ЭКСПЛИКАЦИИ**

**PERSONAL
SPACE:
SOCIO-PHILOSOPHIC
EXPLICATIONS**

Эмирбекова Елена Эмирбековна

Кандидат юридических наук, доцент,
директор филиала Южного федерального
университета в Махачкале,
Республика Дагестан, г. Махачкала,
e-mail: elena_1980@mail.ru

Emirbekova Elena E.

Candidate of Juridical Sciences,
Associate professor, Director
of Southern Federal University branch
in Makhachkala,
e-mail: elena_1980@mail.ru

В представленной статье анализируется понятие «пространство личности». Исходя из сравнения методологических подходов к категоризации «пространства личности», автор статьи делает вывод о пространстве личности как системе отношений, содержащей объективированные значения и субъективные смыслы, что включает пространство личности в символическом универсуме.

In the article the concept of «personal space» is examined. Based on the comparison of methodological approaches to the categorization of «personal space», the author concludes that personal space is a system of relations containing objectified values and subjective meanings and involves personal space in the symbolic universe.

Ключевые слова: пространство личности, личность, символический универсум, натурализация пространства, двухуровневая модель пространства личности.

Keywords: personal space, personality, symbolic universe, naturalization of space, two-level model of personal space.

Личность как объект социально-философской рефлексии фокусирует методологические проблемы, связанные, во-первых, с тем, что

сложилась устойчивая психологическая интерпретация личности, ее понимание как совокупности телесных и психологических параметров и обращения к социально-философскому аспекту личности содержит риск прохождения «неуловимой грани». Во-вторых, закрепление философской мысли XVIII в. в интерпретации личности в рамках обоснования правовых принципов вызывает эффект юридизации, ее трактовки как индивида, который обладает телом с собственной свободной волей, а также обязательствами и ответственности. В-третьих, постмодернизм провозглашает раскрепощение личности, вводит понятие деконструкции как способа разрушения единомыслия и единообразия. Тем самым, стремясь элиминировать контроль мышления и поведения человека, личность доводится до состояния дивидности, расщепленности.

Характеризуя эти обстоятельства, можно говорить о том, что пространство личности в контексте социально-философской рефлексии нуждается как в освобождении от психологизации, так и в том, чтобы не достигнуть состояния методологической «рассеянности». Пространство личности, очевидно, соотносится с социальным пространством, но такая «объединительная» процедура имеет последствием перевод личности на уровень социального агента, который лишен приватности, подчинен логике социальных ролей и становится массовым индивидом. Рассматривая пространство личности, следует подчеркнуть, что меньшую методологическую трудность представляют автономизация личности, конструирование ее оппозитивности социальности и описание пространства личности как герметичного мира.

Для того чтобы категоризировать «пространство личности», выявить ее объяснительный и интерпретационный потенциал для получения знания, требуется основываться не на монадологии, не конструировать социальную «робинзонаду»: пространство личности ориентирует на понимание ее включенности в систему социальных отношений. Было бы ошибочно представлять пространство личности через описание уникальных, не свойственных другим качеств. Кроме того, личность рассматривает свое пространство как способ сохранения социальности [1]. Эту особенность отмечал еще Г. Гроций, исходя из того, что человек физически слаб, пространство личности основано на самосохранении и том, что является спокойным обладанием собственностью [2, с. 113]. Пространство личности, таким образом, описывает социальность человека, включает внутрличностное и межличностное. Между этими уровнями отсутствует дефиниция по критерию негативности или степени социальности. Внутрличностное определяет осознание личностью социальности и реализуемую на этой основе страте-

гию действия. Межличностное характеризует взаимодействие с другими, не изолированно от внутриличностного, а представляет экстернализацию внутриличностного. С другой стороны, межличностное вносит в внутриличностное образы схемы восприятия и оценки, которые определяют изменение биографии личности.

Возможности двухуровневой модели пространства личности связаны с нейтрализацией универсальности иррационального в личности, ее описания как сосредоточения социальных инстинктов и реакций. В той же степени определяется уход от гипертрофированного абстрагирования, на чем играет постмодернизм, опускаясь в туманность плюрализма и толерантности. Вводя понятие «пространство личности», следует понимать также, что «личность» и «пространство личности» не идентичны. «Личность» в социально-философском значении связана с социальной субъектностью, способностью самостоятельности, автономности, открытости [3, с. 17]. «Пространство личности» конституирует самосознание и самооценку личности, ее социальные знания, способности и навыки. Вместе с тем возникают методологическая сложность, определяемая пониманием множественности пространств личности, и в этом контексте определение равенства или иерархичности этих пространств. Таким образом, нельзя ограничиваться констатацией того, что следует стремиться к синтетическому пониманию пространства личности, интегративной парадигме исследования. Введение ограничителей, психологизации и деконструкции личности свидетельствует о том, что пространство личности балансирует между стремлениями уйти от описания психологических состояний и одновременно не стать жертвой принуждающих обобщений.

Для понимания сущности этого феномена терминология и материал для сравнения должны «поставить» социально-философское обоснование. То, что предстает на уровне философской рефлексии, философского осмысления, нуждается в рационализации: если мы для начала не будем считаться с предположением, что пространство личности соотносится с социальным пространством, то возникает вопрос, как формируется пространство личности. Следует ли это отношение рассматривать как признак лимитрофности пространства личности? Дело в том, что введение в философский оборот «пространства личности» неизбежно приводит к мысли о вышелушивании персональных обусловленностей [4, с. 127]. Р. Гвардини в эссе «Конец Нового времени» утверждал, что интерпретация личности как субъективности в новоевропейской традиции приписывает личности образ человека, который развивается на основе собственных дарований и собственной

инициативы, что понятие личности исходит из оригинальности живого индивидуального бытия [4, с. 188]. Однако личность становится тем, дальше чего не может проникнуть мышление, и пространство личности, если согласиться с Р. Гвардини, является противоречиво постижимым по сравнению с личностью. На личность как человека вообще могут быть перенесены качества незаурядности и гениальности, пространство личности характеризует различные состояния, выстраивает полюсы стереотипности и автономности. Р. Гвардини упрекает ново-европейскую мысль, как ни парадоксально, в том, что человек, понимая себя как личность, делает себя господином собственного существования и берет на себя ответственность за построение собственного бытия. Гвардини тоскует по утрате целостности мировоззрения средневековья, разомкнутости человеческого универсума. В контексте «отпадения» от Бога он отмечает, что приобретение религиозного смысла личности не предотвращает ее профанации, омассовления. Пространство личности зажато между природой и культурой человека, и в этом есть опасность потери человеком собственной опоры. Разумеется, то, что человек уходит из центра бытия в приватное пространство, определяет суверенность, непроницаемость пространства для других, такого рода логика приводит к кульминации анонимности. Иными словами, опыт личности создает несовпадаемость, но в исследовании пространства личности действует социальное знание.

Важным обстоятельством является и то, что социальная философия вынуждена в понимании пространства личности исходить из конститутивно значимого, подвергать рефлексивному взгляду и обычаи, и традиции, то, что кажется разделяющим. Правда, не следует полагать, что пространство личности открыто через исследование повседневного поведения или обыденного мышления. С этой точки зрения саморефлексии и самоконтроля личности недостаточно. Поэтому пространство личности не поощряет веры во внутреннее «я» и объединяет ориентированные вовнутрь и вовне формы самополагания. Эта мысль оказала определенное влияние на представление пространства личности в новой европейской философии, хотя и вступила в конфликт с утверждением об автономности приватной сферы. Свойственная английской эмпирической философии тяга к изучению рутины повседневности выводила на осознание правовых норм как соотношения приватного и социального дискурсов. Вместе с тем пространство личности расцвело в промежутках, оставляемых конституциональным пространством [5, с. 119]. Можно предположить, что в этих условиях личность становилась подчиненной структурам (церковь, государство). Но в та-

ком случае пространство личности если и оценивалось, то в рамках допустимого разнообразия.

Это вело к двоякого рода защите частного пространства. Авторитет личности объединял тех, кто в большей степени интересовался гуманизмом, а авторитет опыта повседневности развивал теорию моральных чувств. Таким образом, отмеченная выше традиция была связана с абстрактно общим определением пространства личности, и в философии XIX в. важное значение обрела концепция предметной самореализации (теория марксизма). Проблема отчуждения личности фокусировалась на последствиях социальной объективации, на том обстоятельстве, что творения личности могут принять характер внешних социальных сил. Пространство личности можно понимать как следствие социального эскапизма (бегство человека от общества) или отождествления с обществом, быть представленной системой социального нивелирования. Иначе говоря, общество представлялось «над людьми» и «рядом с людьми», и в зависимости от этого речь шла о рисках тотального контроля, потери личности, исчезновении внутренней свободы или о степени допустимости частной, частной сферы жизни человека. При этом пространство личности становилось зависимым от надличностных структур.

Сложность описания заключалась в том, что в любом истолковании пространство личности могло интерпретироваться, минуя межличностные контакты. Воссоздавались метафорический мир пространства личности и реальные институциональные пространства. Вводимое смягчение относительно того, что общество редуцировалось к межсубъектным взаимодействиям, а пространство личности обрело характер воздействия личности на вещи, упрощало исследовательскую ситуацию: отсюда и возникал соблазн психологизации, определения проблемности личности в рамках классификации типов личности. С другой стороны, разводились личность и социальные качества предметной среды. Только путем сравнения самосознания личности с ее «самодисциплиной» можно было выявить смысл, который мог стать «правдой» о самовыражении личности. Результатом являлось то, что отсутствие культуры, традиции и истории в конечном счете было объявлено свободой от определенности: пространство личности разъяснялось через индивидуальную самореализацию. Как пишет М. Яцино, стиль жизни обретал значения яркого самовыражения и не являлся отражением социальной структуры [6, с. 58]. Возник «новый пуританизм», характеризуемый замещением пространства личности стилем жизни, что приводило к инверсии природы человека в виде культурного свое-

образия. Однако и в этом случае нельзя не отметить, что пространство личности рефлексировалось на основе схемы выбора. Это означало, что в исследовании ее конституирующих условий свобода от предопределенности не уменьшала конфликтности в межличностной сфере: переименование внешней предопределенности на внутреннем уровне не устраняло редуцирование к логике обстоятельств.

Если говорить о пространстве самовыражения индивида, то практикует аутентичность, в то же время апробация разных вариантов собственного «я» [6, с. 63]. Философская рефлексия сужается, вынуждена ограничиваться констатацией новых способов самовыражения и новых идей. Отсюда недалек шаг до разрушения личности постмодернизмом. Между тем для социально-философской рефлексии проблемой является определение пространства личности как постоянной сменны человеческих и социальных качеств. Затруднительность осмысления определяется редуцируемостью пространства личности до определенной подсистемы отношений или стадии саморазвития личности. Дело в том, что личность создает новые композиции способностей, их воплощения, условий средств осуществления.

То же самое можно сказать и относительно деятельностного репертуара личности. Разумный компромисс можно видеть в том, что пространство личности трактуется как конституированный ансамбль полей деятельности личности и может восприниматься и оцениваться по различию ее социальных капиталов. На повседневном уровне пространство локализовано физически (постоянное место жительства, место жизнеобитания, доступность к социальным благам). В социально-философском смысле пространство личности представляет внутренние (личностные ресурсы) и экстернальные качества, связанные с возможностями позиционирования в межличностном общении [7]. Таким образом, пространство личности можно определить как сферу двойственности личности. С одной стороны, на уровне самости, самооценки и самопознания – соотнесения с другими. Важным обстоятельством является то, что, исходя из понимания абстрактности данного определения, можно рефлексировать личность в контексте ее конкретных свойств и качеств.

Между тем маргинальные ситуации личности показывают необходимость реального интегрирования пространства личности. Границы легитимации пространства личности сопряжены, таким образом, с социальной объективацией, с тем, что существует необходимость нормирования пределов автономности и способов социального регулирования и влияния на пространство личности. В таком контексте соци-

ально-философская рефлексия полагает точку отсчета в рамках всех социально объективированных и субъективно реальных значений: целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явление, происходящее в рамках символического универсума [8, с. 158]. Имеется в виду, что действует теоретическая традиция, которая направлена на интерпретацию пространства личности как имеющую место в пределах общества. Следует подчеркнуть также, что определение пространства личности как символического универсума выносится за пределы повседневной жизни. Так как преодолевает опору на рутину повседневности, практикуемую в эмпиризме, и осуществляет смысловую интеграцию в пространство личности и институционального порядка.

Данную позицию можно охарактеризовать как умеренный конструктивизм: пространство личности не ассоциируется с физическим пространством, не предполагает замыкания исследования в рамках натурализации личности и редуцирования к рутине повседневности. И одновременно придает «вещам» символическое значение. Таким образом, продуцируется знание о личности как формирующей конфигурацию социальных обстоятельств. В этом случае речь идет о том, что пространство личности предполагает изменения, переоценку личности своей практической, прикладной жизни [9]. То же самое можно сказать и относительно сферы межличностного пространства, которое неизбежно складывается в культурный контекст. Можно констатировать, что освоенное социальное пространство личности значимо тем, что обеспечивает личности преимущества или зависимость в конкретных полях деятельности. В этом смысле «пространство личности» легитимируется в исследовательском обороте как категория для рефлексии социальных феноменов, воспринимаемых в рамках натурализации или деконструкции как чуждые и неприемлемые.

Способность освоения пространства означает, что личность на внутриличностном уровне формирует «место обитания», на межличностном – проецирует собственные ментальные структуры [10, с. 47]. Короче говоря, пространство личности определяет ее социальный и символический капитал. Для социально-философской рефлексии важно, что воспроизводится матрица символического универсума. То, что для личности наиболее определяющим является занятие социальной позиции, свидетельствует о актуализируемости в исследовании пространства личности и такого понятия, как «власть».

Дело в том, что власть фиксируется в сфере межличностного контактного взаимодействия в контексте личных атрибутов (авторите-

та или физической силы) в отличие от власти и социальных отношений, исходящих из правил [11, с. 195]. Но особенность социально-философской рефлексии состоит в том, что власть может пониматься в пространстве личности как способ ее социального самооценивания и социального воспроизводства, социального самооценивания в смысле самовыражения в качестве обладателя определенных властных способностей, в контексте социального воспроизводства как проективности переноса в сферу межличностных отношений [12].

Важным моментом является то, каким образом личность осуществляет власть над собой, в какой сфере деятельности она является авторитетной для себя, так же как и то, в каких границах личность осознает субъектную компетентность, т. е. в межличностном общении. То есть адекватно оценивает свой властный ресурс. Поэтому нельзя согласиться с допущением спонтанеизма власти в пространстве личности. Также не следует категорически утверждать, что за пределами пространства личности действуют анонимные правила и нормы. Несомненно, существуют объектные компетенции власти, которые определяют область ее применения, способы реализации [13]. Однако власть субъективируется, интерпретируется в зависимости от властного ресурса личности, ее использования власти как инструмента в межличностных отношениях. Это обстоятельство определяет понимание власти как социального капитала личности, способа реализации ее знаний и способностей.

Литература

1. Щёкин Г.В. Теория социального управления. К., 1996. 408 с.
2. Tuck R. The modern theory of natural law. Cambridge, 1987. 324 p.
3. Волков Ю.Г. Креативная личность в культурно-историческом контексте. Ростов н/Д., 2011.
4. Самосознание и искусство XX в. М., 2000. 640 с.
5. Смит Р. История гуманитарных наук. М., 2007. 392 с.
6. Яцино М. Культура индивидуализма. Харьков, 2012. 280 с.
7. Волков Ю.Г. Социальная имитация в контексте социальных трансформаций. Ростов н/Д., 2011.
8. Бергер П., Лукман Э. Социальное конструирование реальности. М., 1995. 379 с.

References

1. Shchokin G.V. Teoriya sotsial'nogo upravleniya. K., 1996. 408 s.
2. Tuck R. The modern theory of natural law. Cambridge, 1987. 324 p.
3. Volkov Yu.G. Kreativnaia lichnost' v kul'turno-istoricheskom kontekste. Rostov n/D., 2011.
4. Samosoznaniye i iskusstvo XX v. M., 2000. 640 s.
5. Smit R. Istoriya gumanitarnykh nauk. M., 2007. 392 s.
6. Yatsino M. Kul'tura individualizma. Khar'kov, 2012. 280 s.
7. Volkov Yu.G. Sotsial'naiia imitatsiia v kontekste sotsial'nykh transformatsii. Rostov n/D., 2011.
8. Berger P., Lukman E. Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. M., 1995. 379 s.

9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резника и А. Погоняйло. СПб., М., 2006. 432 с.

10. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. 303 с.

11. Штомпка П. Социология. М., 2005. 664 с.

12. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. М., 1994. 496 с.

13. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. 808 с.

9. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu / per. s ital. V. Reznika i A. Pogonyaylo. SPb., M., 2006. 432 s.

10. Burdie P. Sotsiologiya politiki. M., 1993. 303 s.

11. Shtompka P. Sotsiologiya. M., 2005. 664 s.

12. Parsons T. Sistema koordinat deystviya i obshchaya teoriya sistem deystviya: kul'tura, lichnost' i mesto sotsial'nykh sistem // Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl' / pod red. V.I. Dobren'kova. M., 1994. 496 s.

13. Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma // Izbrannyye proizvedeniya. M., 1990. 808 s.